

СТАНИСЛАВ МИШНЕВ

КУПАВЫ

РАССКАЗ

В низине, обжатой рекой и увалом, присели избы. Это — деревня Купавы. Невзрачный мужичок ступил ранним утром с крыльца на податливый снег и оробел: земля покоилась в предрассветной неге, и стволы деревьев стояли на ней величественно и настороженно, как часовые на посту. В лицо пахнула стылая сырость. Улыбка забродила на губах мужичка; на минуту или на две забылся он, даже зажмурился — до чего же любя ты, моя сторона!.. Подумал человек о пробуждающейся силе природы, встретившей его; скоро дожди раскуют закоченевшее царство, проснутся лога, налитанные водой, из путевой дали повеет какой-то дразнящей, ободряющей пахучей полнотой, зашумит река... тысячи льдин, издали похожих на рассыпанные леденцы, станут наезжать друг на друга, тонуть и всплывать, — воображение обняло человека своими широкими объятиями и как-то родственно отозвалось в душе, расшевелило в ней давно забытые струны; что-то вроде надежды на лучшую жизнь заторопилось благодарить Бога.

У людей в этом мире промысел тайный, верно. Ох, и широка же жизнь, разводиста! — конца-краю мечтам нет, да вот узки, скользки стёжки-дорожки, всё ступить некуда. Оглянулся на отжитое — где ступал там и оступался; куда бы перстом ни ткнул — пусто. На божнице пусто... что в пространство кулаком стучать, в лоб свой стучи, — тут мысль запнулась и тупо разогнулась — глаза упёрлись в соседский трактор, сморщенный и сутулый, издали как обросший мхом-лишайником в этот переметный час.

МИШНЕВ Станислав Михайлович родился в 1946 году в Вологодской области. Автор нескольких книг прозы. Лауреат премии имени В. М. Шукшина. Член Союза писателей России. Живёт в д. Старый Двор Вологодской области.

Ему даже показалось, что смазанный утрешними красками трактор выдал в его сторону участливое презрение — давнишнее соседское презрение, и потому надо обязательно подстраховаться если не заискивающей, то угодливой улыбкой. “Вот ведь... привык-то как, будто мы с ним два полоза одних саней... Ровно на Крещенье жгучий мороз под вечер выползает с уходящим солнцем — одним валенком в своей избе живу, другим у соседа гощу. И то сказать: в голове соседа, должно быть, одна пустота да полное удаление от тягот земных...”

Сравнил мужичок себя с соседом и выбрал себя: ему ли с соседом тягаться? Принизил он соседа, возгордился, а отчего бы? Мысль у человека развязывается наедине с самим собой, и то не сразу. Встань посреди своей избы, — чем изба не деревенская улица! долго вслушивайся в тишину, и когда покажется, что во всём доме ты один и изба твоя что часовня, начни говорить сам с собой. Не говори слов вслух, слова отпугивают... как и назвать то, что просачивается внутрь: душа ли, вечность ли, или некая осязательность, — это нечто, не поддающееся описанию, не раз потом вспомнится ночами. С колокольни звон срывается по стенам и уходит в землю, и земля как плывёт из-под ног от того звона...

Весной солнце задиристое, хлёсткое; чего ему ёжится от озноба, чего задиристому не быть, коль каждый день обновляется, румянится, то подтачивает снежную перину, то отжимает оную?

Сошлись утром два соседа, Василий Сероухов да Александр Портновский, волею случая столкнулись, пришлось Василию первому руку боязливо тянуть, Александру принять её в свою клешню. Василия Сероухова зовут на деревне Фимушкой, Александра ещё в школе прозвали Портосом. Соседствуют Фимушка с Портосом, Фимушка — угодник в деревне Купавы, Боже упаси для него нарваться на грубость. Встретились возле бань — оба в субботу затоплять вышли — по совету тестя да по своему разумению.

Фимины баню поставили рядом с Портновскими на озадках — ястреб возле своего гнезда и мышь защитит. Малорослому Фимушке проскочить бы бочком мимо загородившего дорогу, с долей издёвки оглядывающего его соседа-верзилы, да Портос как навис, будто в музее антропологии выискивает признаки вырождения человеческого рода. Лицо у Фимушки круглое, гладко выбритое, с красной мощной лысиной во всё темя, руки-ноги тонкой кости. К физическим недостаткам приклеились пускай уже подзабытые, но моральные издержки: не взяла в сельсовете молодая жена фамилию мужа — посчитала фамилию мужа собачьей — чего доброго, детей прозовут на деревне волчками-шариками; родится ребёнок — сама в сельсовет ходит и запишет на свою фамилию. Так и потерял Василий Сероухов своё лицо, стал Фимушкой — домовиком.

Раз молоденькая бухгалтерша из приезжих с чьей-то нехорошей подачи записала Василия Сероухова Фиминым — на Руси много любителей потешиться. Стал Василий деньги в кассе получать и видит, как его публично высекли. Приняло лицо его плачущее выражение, стал он тяжело вздыхать и крутить головой и, не выдержав, побрёл прочь из конторы. Больше в конторе за порогом не бывал.

Портос — глыба, а голосина!.. Весь сельсовет знает, как Сашка Портновский прозвище получил. Вызывает его к доске старенькая учительница Поликсения Аввакумовна, расскажи, говорит, Саша, как “революционеры” снесли Бастилию, знаменитую французскую тюрьму. Любила Поликсения Аввакумовна придать революциям пролетарское презрение и справедливый коммунистический гнев. Саша Портновский стал сочинять, как мушкетёр Портос первым ворвался в тюрьму, хватал от трёх до пяти стражников и сбрасывал со стен. В раж вошёл, говорит, как подкупленные тюремщики связали храброго Портоса и отправили на каторгу в Россию. Вот, поясняет, откуда пошли Портновские в нашем сельсовете, от сильного корня, от мушкетёра Портоса, а вовсе не от портных, что с аршином за мухами гоняются. Класс дождался, когда Поликсения Аввакумовна засмеялась, и стал хохотать. “Иди уж, Портос, троечка с минусом”.

Так и пошёл Саша Портновский по жизни Портосом. Во всём Портос любит первенство. Пришёл новый трактор — механик к Портосу на совет: “Как, Иваныч, думаешь? Если я вот такому-то отдам?” Характером был не-людим и горд — встретится даже с председателем колхоза, обязательно от-вернётся, будто заметил что-то оброненное — ни к чему, мол, мне ваши “здравствуйте”. Завелась в сельсовете свадьба, молодые по наставлению ро-дителей примолвят Портосу: “...просим, Александр Иванович...”

На праздниках Портос напивается под завязку, как начнутся танцы — много ли в деревенской избе, заставленной столами, места для танцев? Ста-нут широкие плечи подёргиваться сами собой, со свистом ринется со своего места на середину избы и начнёт “давать жизни”. В неестественно весёлом расположении духа Портос с неопишуемым восторгом отбивает лихой трепак, пол под ним ходуном ходит.

— Щёоо, трактор выррываете? — не спросил, как пустую бочку уро-нил Портос. От бегло сверкнувших, как зарницы, глаз, предчувствий бес-сильно обмяк Фимушка и говорит, а голос его обрывается:

— Сам посуди, Иваныч: дом брата продал, деньжата есть... зять... вла-сти дышло на частную собственность воротят, вот... тёща и тесть согласны...

— На щёоо тебе новый? В железе ты — гусь лапчатый... Угрробишь.

Фимушка виду не подал, что обиделся от такой неелестной характерис-тики. Когда-то, как и Портос, учился он на тракториста, но заветных “прав” не получил: перед самыми экзаменами отравился консервами и пробыл в больнице почти месяц. Потом женился, вернее, “в дом вошёл”. Год-другой “домовиком” на деревне называли, потом перестали подклинивать: мухи Фимушка не обидит, со всеми приветлив, ко всем со всей душой. Случает-ся, сосед “сносит Бастилию” — является домой пьяный, Фимины пребыва-ют в страхе. Трещат доски — коронный номер соседа разбивать стулья о дощатые стены веранды. Окна, естественно, вылетают в первую очередь. Сядет пьяный и дурной на колченогом стуле у стены, значительно улыбает-ся долго и неопределённо; идёт мать, он мать обнимает, целует, прощения просит. Мать гладит сына по голове, шепчет ему в ухо приятные речи, Пор-тос вскочит, мать на руки берёт и заходит с ней в избу. “А ты... — всячес-ки бранит жену, — уносишь к лешему!”

— Немножко-то...

— Учиться надо на старром. На колхозном. Леший с ним, с колхозным-то. Угрробил — другой дадут, а тут свой... барраном надо быть, в колхозе жить да свой трактор заводить.

— На заседание правления заявление написал, ты как член, Иваныч...

— “Прротив” прроголосую! Ишь, кулачина из перрелого вылез! Ттрак-тор на колхоз поступит, потом как ещё правленцы посмотррят на такой ддрамтеатр, прредседатель пойдёт прросить упрравление сельского хозяйства сделать такому Фимушке снисхождение... А кто такой ваш Фимушка, спрро-сят? А так себе, ррядовой — пехотный Ваня. У тя хоть маленькая гррамо-та за ударный труд есть?.. То-то.

— Когда бы и твою полоску подкосил... Ахвати по грибы-ягоды ехать?

— Отстань ты со своими гррибами! Взял моду тёщу с бабой слушать! По бабам не тяни, ну их в болото, ведьм этих!

...Разминулись; мужики своё дело сделали, за топкой печей в банях бу-дут следить хозяйки.

Намеренно нагнул Фимушка лысую голову к долу — обязательно огля-нется Портос, любо ему видеть, что соседа проняли его умные речи, — шмыг за поленницу дров и смотрит, — уходит Портос. Сел у хлева на кособокий старинной работы стул, облокотился на стену и, по-видимому, стал глубоко обдумывать идею, вероятно, ту самую, с покупкой соседями трактора.

Сойдутся Нина Фиминая с Марией Портновской, Мария не сдержится, надо ей высказаться, надо выплакаться.

— Твой золотник мал да дорог, а мой... “рреволюционёр”! — плачет Мария.

— Понимаю тебя, соседюшка, понимаю...

— Ничего ты не понимаешь. Ты из-за стены видишь, ты на себе не испытала... Бог надоумил: парень и девка после школы по городам подались. Как представлю, что батько с сыном сошлись в рукопашную!..

— Оборони, господи!

— В вашем доме раздолье бабьему голосу, а у нас!..

Всё выше и выше поднималось весеннее солнце — зима, притушив свою тощую светом лампаду, убиралась на север. Всё роскошнее и впечатлительнее становился деревенский день. По рассказам чудаковатой бабки Александры Фиминой, она в эту пору который год видит примерно одинаковую картину: именно в заморенной долгой стужей дали сначала осядут мути бескрайние, ненадолго зайантарятся острый и большой для глаз свет, начнут облака толпиться и сваливаться, а как просветит небо синее, так и родится новая жизнь. То, что птицы весну на крыльях несут — и снова чистая правда; детская сказка, с детства осветившая нас светлым, что может быть чище детской памяти? Как будто выползает из сырых пелёнок любимое природой невинное дитя, не мешкая долго, упирается крепкими ножками в твердь земную, умывается ослепительно блестящим подтаявшим снегом, и давай бегать между белыми берёзами...

Про свои видения бабка Александра рассказывает в магазине. Народу много, когда-де машина с хлебом придёт. Народ не удивляется: восьмой десяток старуха дожидает, в таком возрасте не все с головой дружат. Не переребывают, не подсмеиваются и каверзных вопросов не задают. Все знают, что бабка страстно любит птичий мир, любит лес, обладает необыкновенно тонким пониманием погоды, разбирается в травах.

...Стали свои огороды пахать, все пришли в какое-то нетерпеливое положение. Ясно, все вспашут, но когда вспашут? Пускай будет у Фиминых возможность перехватить тракториста, можно ли им опередить Портоносских? Ни в коем случае!! Вот когда Портонос свой огород вспашет, тогда можно пахать и Фиминым. Дождались Фимины, вспахал Портонос свои сотки. Довольный качеством пахоты, хорошей погодой, спелой почвой, прошёлся бороздой взад-вперёд, должно быть, посмеивается себе втихомолку.

— Завтра и мы, — говорит бабка Александра своему Ивану.

Сидят старики на “пригивенке” — место солнечное, тихое, они много чего видят, их никто не видит. У Александры на руках кот Кука. Молодой, сильный котик, шёрстка на нём сверкает. Начал кот беспокоиться, сторожиться, Иван и говорит:

— Крысу чуёт. Отпусти.

Александра кота с рук стряхнула, кот напрямик к нейтральной меже подался. Гля, навстречу Куке правится той бороздой, по которой Портонос вышагивал, кот Тимур. Кука дымчатого окраса, Тимур чёрного. Сошлись как витязи на бранном поле, принялись один другого задирают, обидными речами поносить, страхом давить. Александра и Иван замерли. Охота обоим, чтоб ихний Кука надрал Тимуру морду. Пошла драка нешуточная. Верх берёт Кука — Александра и Иван встали, готовые приветствовать своего героя, откуда ни возьмись, бежит Портонос, да как пнул ногой в резиновом сапожище Куку... взлетел Кука, в полёте последний раз мяукнул и пал мёртвым на свою территорию.

У Ивана дыхание перехватило. Клопшкой трясёт, готов броситься на злодея... Александра Ивана за шею к земле прижимает: молчи, молчи, батько!

Похоронили Куку со слезами, с обещанием поднять другого Куку, чтоб не только Портоносова кота давил, самому Портоносу горло перегрыз. Иван пришёл к зятю Фимушке и сказал твёрдо:

— Сей год соседа пахать не зови, не свет клином на нём сошёлся!

Фимушка озадачился, но воли тестевой не переступил: вечером наведалься в среднюю школу, за семь километров на велосипеде сгонял — учитель по машиноведению, внук покойной Поликсении Аввакумовны, согласился пахать, только, говорит, плуга у него самодельные, для себя “ковыряю”, как другим угодить?..

— И ещё условие: пить не пью и денег рубля не возьму!

— Царство небесное Поликсении Аввакумовне. мудро говорила: “Счастлив тот, где правда прибыльна, кто своими волами обрабатывает отцовскую землю, кто познаёт себя в час немощный, кто отличает прямое от кривого, кто познаёт себя в час развернутой жизни”.

Серёдкой дня, когда Фимушка, Нина, зять ветеринар и дочь портниха были на работе, в огород к Фиминым заехал школьный трактор. Тракторист даже из кабины не вышел. Плуга опустил и развалил огородец как рыbnик, надвое. Прямо по грядам, по торчащим с осени капустным кочерыжкам. Александра к Ивану:

— Ты глянть, батько, ты глянть!.. Веком так никто не пахал!

— Ну и голова — ах! — удивляется дед Иван. — Этот точно с институтом! Это чей же такой?!.. Вот как пахать надо, а то этот... гробина, пока его уважишь, пока литру не выжрет... сколько годов по одному месту борозда, прошлый год весь желтик выворотил, и не скажи... Картошкиросло с гулькин хрен.

Стали картошки сажать, привезли бабке Александре правнука Митю. Александра с мужем своим Иваном на отшибе живут, в отдельной избушке. Они — “старая бабка” и “старый дед”. “Молодой дед” и “молодая бабка” — Василий да Нина, живут вместе с дочерью, зятем ветеринаром и двумя внучками.

Шустрый, ох пострел этот Митя! “Старый дед” готов на верёвку привязать Митю к себе, да разве его удержишь? Вышел на улицу, на скамейку присел, клюшку к стене избы приставил, молоток из голенища сапога достаёт, по скамейке ладонью бьёт, Митю садиться зовёт. Орехов в магазин навезли — орешками заманивает, про город спрашивает. Мите молоток вручает, мол, бей не жалей. Митя десяток орехов разбил, молоток кинул, побежал. На все просьбы и увещевания “старого деда” у него один ответ:

— Отстань, дед!

Почти в тот же день, как Фиминым привезли Митю, соседи Портновские обзавелись девочкой Таней. Сын привёз из Москвы. Лицом по бабке Марии пошла, с надменно поджатыми губами, телом по деду — рослая, ядрёная. Как и бабка, имеет привычку украдкой коситься по сторонам и, лишь заговорив, медленно поднимает ресницы. Страшная модница. Платица носит коротенькие, волосы на затылке резинкой стягивает, с Митей не поладили — делает лицо невозмутимо серьёзным, повернётся и пошла домой. Напрасно Митя уговаривает ещё поиграть, остаток дня Таня проведёт в обществе бабки Марии.

...Нине Фиминой остался год до пенсии. Большой трудовой стаж у неё, и всё в животноводстве. Стали ноги уставать, стали кости к непогоде болеть. Уговорила зоотехник “...ради Бога, попаси этим летом, благо пасти в клетках”, — так зовётся отбитое изгородью пастбище. Фимушка был против, да разве он в доме за “большую сноху?” Раз согласилась Нина пасти — мнение Фимушки во внимание не принято. Зато принято во внимание желание занять свой трактор, своего “таракашку” — юркий, проходимый, мало топлива расходующий Т-25: Нина только “за”. Конечно, Фимушка и Нина много говорили на эту тему между собой, мнение зятя ветеринара и дочери портнихи выслушали, и предполагаемое мнение соседей учитывали. Идти против Поргоса опасно, но и всю жизнь в страхе жить — противно. Марии, той всё равно, обзаведутся Фимины железным конём или нет. Скорее согласна будет: всей водки не перепить, не все калымы её мужу сшибать, пускай и Фимушка погосит, попасет.

Зовёт бабка Александра правнука Митю “по угорам ходить”. И “старый дед” поддакивает:

— Учись, Митя, травку узнавать. Учись птичек слушать.

Притомились; сидят бабка с Митей на самом затылке угора. Бабкина корзина-плетёнушка полна одной ей ведомых листочков да корешков. Внизу речка бежит, выше — что грива необъезженного скакуна, разбежался шелковистый берёзовый перелесок, и тесно сегодня в том перелеске от нежного свиста и горластого карканья. Бабка показывает батожком на огромный серый камень-валун:

— Вот, Митя, этот камень не простой, под ним клад заветный лежит. Ты деда Танькина знаешь ведь?

Митя подбежал к камню, на колени встал, ручонками землю начинает выгребать. Вдруг с визгом бежит под защиту бабки. Оказывается, свалилась сверху камня ящерица и прямо Мите за шиворот рубашки, пока бежал — выскользнула.

— Да ты дослушай сначала...

Пригнала Нина Фиминова колхозных коров на ферму, бабы-дойрки встречаются, каждая “своих” отделяет от “чужих”. Крики, ругань, коровы “привезли” на себе полчища оводов и рвутся в помещение.

— Трактор вам привезли, — говорят доярки Нине.

Не знает Нина, радоваться ей или нет. Быстрее домой.

Трактор “Сельхозтехника” доставила владельцу прямо на его улицу. Оказывается, управляющий “Сельхозтехники” зимой лежал в больнице вместе с Фимушкой — кровати стояли рядом. Управляющий маялся спиной, у Фимушки резко упал гемоглобин в крови. Тогда-то Фимушка и поведал про желание занять свой “тракторчик”. Понравился управляющему Фимушка: простой, не требовательный и очень порядочный. С других кроватей в палате какой только гадости не плывёт в адрес начальников, от бригадира до президента, а Фимушка нет-нет да скажет:

— Никто про себя не знает, тайна. Пока на жёрдочке петух сидит, одно поёт; слетел, от белого свету ошалел — другое.

Вот и наказал управляющий шофёру груз доставить по назначению без всяких проволочек, то есть минуя колхозные мастерские, где обычно разгружают новую технику. Приходит шофёр в контору подписывать путевой лист, бухгалтерша в крик:

— Нет решения правления продавать трактор Фиминым!

— А я при чём? Я раб лампы, как говорит джинн. Что велют, то и делаю. Пошли всей конторой обратно грузить.

Как назло, ни председателя колхоза, ни механика нет, бухгалтерша кричала да и подписала путевой лист, решив про себя, что быстренько механик даст команду Портосу отбуксировать трактор в мастерские.

А Портос обиделся. Ой, как обиделся! И на колхозное руководство, и на соседей Фиминых. Он член правления, председатель обязан был вопрос согласовать с ним; механик “на вороной объехал” — даже прав у Фимушки нет, а на тебе, Фимушка, новенький трактор! Этой весной огород пахать не пригласили, это как понимать? Силу почувляли?!

Ходит Фимушка вокруг трактора, любитесь. Инструкцию по эксплуатации достал, сел на табурет, изучает.

Нина трактор обошла кругом, на Фимушку смотрит недоверчивым взглядом.

— Как так получилось-то? Вроде как бесплатно, а?

На речь жены Фимушка многозначительно улыбался.

— Што, и без денег?.. У тя и прав нет... и косилки нет, как косить-то собираешься?

— Была бы шея, а хомут?.. Правильно: същется. Заплатим.

— Видел уже? — спрашивает Нина и кивает головой на соседей.

— Пока гроза мимо ходит.

— Ой, Вася, Вася, до чего мне страшно стало?.. Пока трактор на своей улице не видела, вроде спокойнее жилось, а теперь — сердце обмирает.

На другое утро механик прилетел на мотоцикле к Портосу, просит “недоразумение ликвидировать”, то есть притащить струженный на улицу Фиминых трактор в мастерскую на буксире.

Портос пальцы сложил кукишем, и кукиш едва не в глаз механику сунул. Механик из избы вон, на мотоцикл вскочил и по газам.

Председатель колхоза пожаловал, с Фимушкой, занятым изучением инструкции, здоровается. Нина вышла к такому важному гостю.

Атмосфера на улице словно наполнена не воздухом, а самим временем, которое пахнет свежей заводской краской; председатель из приличия долго

не заводит разговор. Широкое жирное лицо его выражало сдерживаемое озлобление, озабоченность и грусть.

— Как и быть, — говорит председатель как бы сквозь слёзы, между тем как в груди клокотал настоящий шторм, — ведь сожру-ут. Я как между молотом и наковальней. Господи — и это же основны-ые фонды-ы, поймите же вы-ы!

— А брякни на всякий случай, что и посоветует, — говорит Нина.

Председателя как повело от такого совета. Подозрительно прищуривает глаз: вот до чего наглые эти Фимины стали!

И, беспомощно скрестив на толстом брюхе руки, грустно и злобно смотрит на новенький трактор. С одной стороны — да чёрт с ним и с трактором, их в колхозе навалом, с другой — как это он разрешение даст: нарушение устава!

— А чего... чего администрация-то? — спрашивает председатель, сглатывая слюну. Он будто воочию видит, как тайная чиновная сила берёт его за горло и тащит совсем не туда, куда ему надо бы... — То-то я, думаю, сгружают... Зять-то у вас с замглавы — однокашники!

Председатель уезжает.

— Ну, — задорно смеётся Нина, — отвоевали.

День идёт, и неделя проходит. Фимушка освоился, по своей улице тихонько ездит взад-вперёд. Зять говорит, что списанную тракторную косилку стоптал в колхозе, поехали навешивать.

Решился Фимушка: поехали.

Механик капризничает: задело его самолюбие председательское распоряжение насчёт косилки. Подвёл к куче металлолома: выбирайте. А сам слинял.

Подруливает к той куче молодой тракторист на Т-25 с навешенной косилкой — что-то у него поломалось, зять ветеринар к нему. Отвёл чуть в сторону и шепчет на ухо:

— Выручай. Механик — волк тамбовский, я — чайник чайником в железе и тестюха не особо тянет. Литра водки за мной.

Парень и косилку навесить помог, и всяких частей нашёл много. Со своей косилки весь брус с ножом и пальцами скрутил.

— Не похваляй тебя за это, — укоризненно говорит ему ветеринар.

— Не трусь, Маруся, я — Дубровский! — скалит зубы тракторист.

На другой день ближе к вечеру Фимушка выехал в клеверное поле, ближе к кустам, боясь травостой помять, стал косилку настраивать.

Настроил! Благо тот парень, что брус ему свой отдал, то поле косил. Дивится Фимушка: где он брус с пальцами и ножом около ночи добыл? Потом, думал, огородит парень литру водки, день проспит где-нибудь на потолке бани, а парень как стёклышко трезв.

— Как тебя по отчеству? — неожиданно спрашивает парень Фимушку.

— А зачем тебе моё отчество?

— По возрасту — отец, по статусу — свой брат, механизатор, стало быть, следует принять тебя в нашу мазутную партию.

— Константинович, — тихо сказал Фимушка.

От слов парня сделалось лицо Фимушки мужественно смуглым в лучах заходящего солнца, глаза широко раскрылись, зрачки заблестали каким-то лукавством, сметкой какой-то, говорящей как будто: “А то!”

— Константинович, командовать парадом буду я, не обижайся. С зятя твоего ещё водочки попрошу — у одного мазурика в райцентре двигатель к мотоциклу выцганить надо...

Ещё через день...

Трещит вырванная с мясом калитка — сосед Портос идёт в гости к Фиминым. Пьяный. Сбычился, кулаки сжаты. Фимушка прижался спиной к заднему колесу трактора, ни жив ни мёртв. Через кожу на лысине проступил пот.

Портос попинал переднее колесо, смачно плюнул на лобовое стекло кабины. Видит страдальческое лицо Фимушки, пессимизм его только усугубляется.

— Скрррручивай фаррры! Фонаррри скрррручивай! — рычит Портос.

— Не надо, Иваны-ыч... Зачем? — затынул Фимушка голоском, похожим на крик голодного козлёнка.

— Дурррак! О первую лесину отшибёшь!

Терпение — прекрасное качество, но жизнь слишком коротка, чтоб терпеть долго. Много лет Фимушка уступал дорогу Портосу, всё норовил жить тихо-мирно; в свою баню ходили Фимины, только когда Портновские в своей перемоются...

— Не тронь, Иваныч, Богом прошу!

Оттолкнул Портос Фимушку, как врежет кулаком по одной фаре, стекло вдребезги. По второй врезал — вторая сияет пустой глазницей. По капоту хлопнул — отлетела застёжка.

Кинулся Фимушка на Портоса, да куда Фимушкину кулачку против лопатообразной лапищи Портоса: как двинет — летит Фимушка под трактор.

Нина выбежала из избы, кричит не своим голосом, инструкцией по эксплуатации бьёт налётчика по лицу. Портос руку Нины перехватил, за спину заломил, как ударит с плеча кулачищем в голову, Нина далеко откатилась от трактора.

— Вот вам пррремия, урод-ыи! — звякнуло сверху над поверженными соседями, затем, после паузы, покатилося навстречу пытающейся подняться на ноги Нине. — Не зас-с-луж-жжи-ли!

Выполз Фимушка из-под трактора, лицо в крови, шатается, за ручищу Портоса хватает, умоляет не трогать трактор.

— Начальство подма-аза-али?!

Бежит Нина в хлев, хватает навозные вилы и с вилами наперевес идёт в атаку на Портоса. Упирает рожки в грудь, требует:

— Пшёл отсюда, урод!

— Кол-ли!!! — кричит Портос.

Положение спасает мать Портоса. Подошла к судревшему сыну, взяла за руку и, как малолетнего сорванца, повела домой.

Того же вечера правнук Митя поведал “старому деду” и “старой бабке”, как приходил драться к ним дед Таньки, а “молодая баба” хотела на вилы посадить драчуна. Иван велит Александре позвать к нему дочь и зятя.

— Вот што, робята, — говорит дочери и зятю Фимушке старик, — дело соседское. Боль стерпите, не заявляйте в милицию. Обидно, но... стерпите. Послушайте меня.

— Всю жизнь!.. — ревьёт дочь Нина. — Горилла! Всю жизнь тершим!

— Нарвьётся! — пророчески говорит отец Иван.

Стали картошку копать — нарвался Портос: проехал на тракторе по лежащей на дороге колхозной корове. Остановился — тряхнуло в кабине сильно, вышел, пинками помог пытающейся встать на ноги корове подняться, видит — стоит корова, и погнался трактор дальше. Корова постояла и упала бездыханная.

На заседании правления зачитывают докладную ветеринара: виновник смерти коровы Портновский. Взыскать с него три тыщи рублей.

— Щёоо, а мясо где? — гудит Портос. — В столовой!! По две морррошки на ложку?!

Судили да рядили — нет вины Портоса, получается. Кабы тушу не тронули, пускай бы черви на дороге съели — Портос виноват, а раз бригадир подсуетился, отправил мясо в столовую — колхозу выгода.

Был на заседании правления колхоза корреспондент районной газеты. Написал корреспондент фельетон, из администрации поступил приказ: обсудить фельетон на собрании. Обсудили — приговорили: строгий выговор Портновскому! Милиция нагрянула: махнули топором по “максимуму” — лишили Портоса прав на управление трактором сроком на два года.

Трудно “безлошадному”, да такому гордому, как Портос, колхознику, трудно себя переломить! Посылает бригадир Портоса с бабами солому перемётывать — не пойду, не нищий, копейки собирать. Посылает коров вместо Нины Фиминой пасти — позор! Потом, кто такой бригадир по меркам Портоса? — воробей — щипаный хвост после техникума! Неделю Портос мытарит, в конце года не хватит у него минимума обязательно отработанных

двухсот восьмидесяти дней, кому шею намылят? — бригадиру. И пишет бригадир на бухгалтерию колхоза докладную за докладной.

Шлют колхозные отцы-командиры депешу опальному Портосу: иди телятам хвосты крутить, то есть, водиться.

Смотрели Фимины всей семьёй, как изливал свой гнев на своей улице оскорблённый Портос, как жена его Мария, хватаясь за грудь и подтаскивая под себя ногу, торопилась скрыться в чужой бане.

— Зря, зря не заявили! — горячилась Нина Фимины.

— Иногда праздновать труса больше выгоды, нежели стонать на больничной койке. И завтра жить надо, — укоризненно возразил тёще зять.

А теляток водить — хлебнёшь горюшка! Сдох телёнок по вине кормача — плати, сено затхлое привезли — хоть сам ешь, котёл кормозапарника нечем греть... Взвоешь!

Приехала за Митей внучка, гостинцев “старому деду” и “старой бабке” навезла, не забыла и отца с матерью. Сели чаевничать, никому чаю не хочется: Митя шмыгает носом, ладошкой утирает слезинки, его славное, доброе личико полно молчаливой, но бесконечной любви к “старому деду” и “старой бабке”.

— Баб... баба, клад не найдут? Ты никому не говори!

— Не найдут, на тебя клад выйдет, дитяtko. Мы тебя ждать будем, ты обязательно к нам приезжай, — “старая бабка” гладит головку мальчика.

— Не забывай про нас, — говорит “старый дед” и пальцем грозит.

— Я ружьё привезу, мы деду Танькиному солью в попу пальнём. Так, дед?

— Так ему! Пороху двойную мерку в патрон насыпем, штоб ему, врагу...

...Опять весна на белом свете.

Бабка Александра долго стояла в погожий день за деревней, опёршись подбородком на батог, высматривала загаданное, шурилась. Хотелось ей в эту рвущуюся из снежного плена весну узреть в берёзовой дали смышлёного, весёлого мальчишку, очень похожего на Митю, обязательно с запачканными вареньем щеками: Митя две берёзовые вершины пригнёт одна к другой, усядется в солнечные качели, вымахнут его качели под самые небеса, и прямо к “баушке” на руки. Именно “баушкой” назовёт, по-старинному!

Упоённо тихое состояние духа, — нет лихолетья, нет счёту годам! Только душевная тонкость и чистота!

Немного тревожно: вдруг да не так жили, не по нравственной линии, худую память о себе оставили? а это — ошибка сердца. И вспомнила старая, как перед колхозами накануне коллективизации пахал отец под озимые. Пахал отец легко, голос на лошадь не поднимал, только причмокивал губами; почва была спелая; пласты крошились, не наезжали один на другой, борозды шли ровные, лошадь — Люней звали, тащила плуг легко, как бы в охотку; и грачи, должно быть сытые, ходили вперевалку и охорашивались не спеша; семилетняя Александра прибежала к отцу на полосу, поесть принесла. Отец Люню из оглобел вывел, пустил пасть, сходил к ручью, умылся, мокрую от стекающей воды бороду отжал, сел и вздохнул легко. Александра к нему под бочок, прижалась. Ел отец чёрный хлеб, запивал молоком из берестяного туюска. Вдруг отставил туюсок, берёт Александру за плечико и показывает рукой:

— Как она... развернулась-то!

Всматривалась, всматривалась девочка туда, куда показывал отец, шурилась, ничего, кроме солнца, прятавшегося за облако, не увидела. А отец привстал с места, очень внимательно, как сбросивший с себя тягостное прошлое, встречает непознанное новое:

— Жизнь-то, говорю, развернулась во всей базе!